

Классен Эрих Гергардович

ОБНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ УСЛОВИЯ

Современным россиянам необходимо новое философское мировоззрение. Просоветские взгляды в некоторой мере утрачены в ходе социально-политических преобразований, но в значительной мере сохраняются в бесчисленных публикациях прошлых лет. Необходимы не просто свежие воззрения, а система философских идей. Разработка такой системы ныне - более в намерениях, чем в реальных действиях. В предлагаемой статье доказывается, что необходимые условия для создания обновленной философской системы в России сложились и время решения такой задачи наступило.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 96-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 13.101.8

Философские науки

Современным россиянам необходимо новое философское мировоззрение. Просветские взгляды в некоторой мере утрачены в ходе социально-политических преобразований, но в значительной мере сохраняются в бесчисленных публикациях прошлых лет. Необходимы не просто свежие воззрения, а система философских идей. Разработка такой системы ныне – более в намерениях, чем в реальных действиях. В предлагаемой статье доказывается, что необходимые условия для создания обновленной философской системы в России сложились и время решения такой задачи наступило.

Ключевые слова и фразы: философская система; бытие; материальное и идеальное; положенное и представленное; истинное и действительное.

Классен Эрих Гергардович, д. филос. н., профессор

Уфимский государственный нефтяной технический университет (филиал) в г. Октябрьском
knessel@rambler.ru

**ОБНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РОССИИ:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ УСЛОВИЯ**

В журнале «Философские науки» в статье, посвященной 80-летию Вадима Михайловича Межуева, приведены его (Межуева) слова: «Сама философия делится у нас не по направлениям и школам с их признанными лидерами, а по отдельным дисциплинам, между которыми не видно никакой объединяющей их связи. Кто-то занимается философией науки, кто-то логикой, кто-то моральной, политической, социальной философией и так до бесконечности. Почему все это называется философией, никому не ведомо» [16, с. 115]. Вадим Михайлович сетует на отсутствие в современной философии все объединяющей системы и все возвышающей до беспредельного Универсума идеи. Не он первым сокрушается по поводу состояния русской мысли. Были и другие, возможно, не столь убедительные, как Межуев. Среди них числит себя и скромный автор этих строк [9, с. 198]. Но практического дела еще нет или его еще не видно. Думается, это потому, что мы еще не преодолели синдром владения единственной и абсолютной философской истиной. Так что же мы можем сделать сейчас? Здесь нет желания излагать окончательные и все разрешающие рецепты, но некоторые соображения могут быть предложены. Они, их содержание, признание и возможности использования и составляют факторы, позволяющие именно сегодня приступить к построению обновленного российского философского мировоззрения. Эти факторы в обобщенной форме можно свести к следующему: от чего в нашем все еще диалектико-материалистическом мировоззрении следует отказаться, что из немецкой классической философии, нашего теоретического источника, следует принять, как максимально и честно использовать философское наследие К. Маркса. Рассуждения по поводу этих факторов, которые ныне не защищаются идеологически, составляют содержание настоящей статьи.

Необходимость преодоления упрощенных материализмом представлений

Все помнят, как тесно К. Маркс связывал философское сознание с производительными силами общества и мировоззрением классов. Его последователи, желая по традиции быть материалистами более чем сам Маркс, частыми повторениями классических фраз довели их содержание до маразма, в рамках которого философское сознание уже не отличается от сознания вообще и которое «всегда и везде» [7, с. 18] должно следовать за материальным. В результате философия как одна из форм сознания в рамках формационного его толкования утратила как относительную самостоятельность от материальных составляющих формации, так и свою слабую свободу в лоне надстроечных явлений. Наступило время, когда в рамках марксизма о сознании возможно мыслить и более сложно, и более конкретно. Не только так: «сознание вторично». И не только так: «сознание есть отражение» [10, с. 109]. А так: в различных формах своего бытия, в различных уровнях своего развития сознание по сути различно. В одних условиях сознание действительно есть отражение бытия и, следовательно, производное от бытия; в других – оно положенное и, следовательно, изначальная и сущностная составляющая бытия; и еще в других оно полагающая, то есть утверждающая сила действительного бытия.

Приведенная мысль не нова. Она была развита немецкой классической философией и активно использовалась Гегелем [3, т. 1, с. 221]. Именно это составило для диалектического материализма проблему. Нельзя было немецким идеализмом теснить ленинскую концепцию, а следовало «всегда и везде» отстаивать принцип первичности материи. Даже когда философ наталкивался на ленинские пояснения об относительности упомянутого принципа [11, т. 29, с. 104], то закрепощенное мышление не находило способа и решимости применить его. Типичным примером тому является широко распространенная и ныне концепция «сознание – субъективная реальность». Ее разработал Д. И. Дубровский, и в современные дни она активно поддерживается многими. Вот, к примеру, что пишет в опубликованной в Интернете статье Андрей Самарский: «Как бы мы не восхищались философским наследием Э. В. Ильенкова, нужно признать, что концепция идеального Д. И. Дубровского на сегодняшний день победила. ... Эта концепция настолько утвердилась и стала привычной, что у входящих в науку молодых людей даже мысли не возникает усомниться в том, что идеальное есть порождение нейрофизиологических процессов организма. Для них это само собой разумеется» [14].

Возможно, этот Андрей Самарский и прав. Скорее всего, он прав. Но в рамках каких воззрений? Чтобы ответить на этот вопрос, следовало бы вновь обратиться к уже разгромленным многократно (см., к примеру, материалы круглого стола 12.08.2008 «Анатомия идеального» с участием В. А. Молчанова, А. Н. Шиминой, С. Е. Гончарова, А. А. Сорокина, И. М. Мануйлова, А. А. Хамидова и других) [1] сочинениям Д. И. Дубровского, к опубликованной в Интернете статье Г. В. Петрова [13], к кандидатской диссертации В. Г. Залещук [6] и многому другому. Но все это за многие годы дебатов уже не раз совершалось. Теперь, если собрать всю их (по Гегелю) «философскую серость», то получится та «мудрость», которую черпали учащиеся и домохозяйки середины шестидесятых годов прошлого века из популярного тогда учебника В. Афанасьева. Вот столпы этой мудрости. Материя – это вся масса определенных материальностей безграничного мира, и она первична по отношению к сознанию землян, ибо никакого иного сознания не существует [2, с. 31]. Сознание – это отражение отдельных материальностей отдельными, образующими, однако, массу индивидами, и оно идеально, то есть бестелесно [Там же, с. 49]. За пределами сознания идеальное никакой реальностью не обладает, в становлении и познании мира никаких функций не выполняет, в существовании и развитии мышления никакой роли не играет [Там же, с. 135]. Такие представления теоретики субъективного реализма навязывали и навязывают сейчас обществу.

Дело современной философии состоит в том, чтобы всю концепцию субъективного реализма с ее убеждением, что материя всегда первична, а сознание – всегда только отражение, преодолеть. Преодолеть не в том плане, чтобы объявить учение о субъективной реальности исходно ложным и выбросить на «помойку истории», а указать его исторически оправданное, но весьма узкое место в сфере созерцательного мышления. Преодолеть – это значит противопоставить преодолеваемому иное. В современных условиях это не так и сложно, ибо выдумывать и изобретать ничего не требуется: в философии все уже есть. Без этого она не была бы философией. Необходима лишь смелость, чтобы требуемое увидеть и применить. Необходимо показать, что концепция «идеальное – субъективная реальность» может претендовать на философский статус, но не обладает его (статуса) необходимым всеобщим характером.

Необходимость преодоления превратных представлений о категории Канта «абсолютная идея» и взглядов Гегеля на роль системы в философии

Классическая философия (немецкая, включая Маркса) различала три уровня развития сознания, отличающиеся, среди множества различных факторов, своими связями с материальным. В созерцательном сознании связь образа как основной формы этого сознания с материальной предметностью очевидна. При ее исследовании принципы первичности материального и отражения представляются вполне оправданными. В философии XVII-XVIII веков эта проблема вообще считалась банальной.

Иначе обстоит дело на рассудочном уровне сознания. Кант подробно доказал, не только чтобы примирить взгляды Локка и Декарта, что базовые формы рассудка – понятия и суждения – непосредственно из образов не возникают. Необходимо некоторое число врожденных, априорных понятий и суждений, чтобы могли сложиться и эмпирические формы познания. Есть, следовательно, некоторая часть рассудка, которая не имеет непосредственной связи с материальной составляющей мироздания. Причем, чем выше уровень развития рассудка, ведь он развивается логическим путем, тем значительней роль априорной его части. На уровне всеобщего он вообще, или по видимости вообще, утрачивает связь с объективной предметностью, но как всеобщее доминирует над логическим аппаратом рассудка и над смысловым содержанием образов созерцания. Так возникает действительно философская проблема связи рассудка с материальностью [8, с. 187]. Ее уже нельзя решать идеями отражения; необходимы иные отношения. Немецкая философия от Канта до Гегеля по-своему искала их и находила.

По Канту, чтобы рассудок своей априорной частью мог найти свой предмет, а предмет – явить себя рассудку, рассудок вынужден этот предмет мыслить, а предмет в представлениях и воображениях себя обнаружить. Когда рассудок достигает своего предельного уровня, то есть уровня чистого понятия, по отношению которого никакая предметность явить себя не может, познавательное мышление становится бессильным. Кант из этой ситуации выхода не видел. Гегель для решения проблемы связи понятий разума с реальной предметностью использовал более мощную форму – положенное (в смысле узаконенное). Мышление, используя объективные логические связи, например, соотношение предмета с родом, узаконивает себя в предмете, образуя его (предмета) положенные качества. Основным здесь является не мысль рассудка и не воображение образа созерцания, отмеченные у Канта, а притягивающие их познавательные отношения. И у Гегеля основным представляется не «чистая идея», ищущая положить себя в природную реальность; и не природное «ничто», готовое принять и представлять рассудком узаконенное в нем всеобщее. Здесь основными, опять-таки, выступают те отношения, по которым стороны познавательного процесса идут путями противоположностей к тождеству, идут скачками от старого к новому и путями отрицания к всеобщему. Получается интереснейшая ситуация. Познавательные отношения не даются объектами, а даются мышлением. (Это следует сугубо отметить и запомнить, ибо обвинения немецких мыслителей в отказе от человеческого мышления и замене его божественным распространены до чрезвычайности). Отношения могут появиться в образе, только если они предварительно уже есть в рассудке [Там же, с. 190]. Чего нет у субъекта в голове, того нет и у объекта в реальности. С отношениями так: в субъекте они существуют в форме идей, а в объекте – в форме его всеобщего содержания. И тут и там они не обнаруживаются чувственно воспринимаемой реальности. Рассудок выстраивает свои познавательные действия в соответствии с этими чувственно ирреальными осознаваемыми или неосознаваемыми отношениями. И если в результате таких действий складывается стройная система знаний, то отношения были не только

мыслимыми, но и действительными. Системность – вот результат, по мнению классиков немецкой философии, познавательных действий рассудка. Если система сложилась, то ее идеи и категории истинны. Недаром диалектический материализм так настойчиво критиковал философскую систему Гегеля, но восхвалял его диалектику.

Но достаточно об этом, ибо раздел статьи посвящен не анализу взглядов Канта и Гегеля, а только констатации факта сложности вопроса об отношении мышления к бытию, недопустимости однозначного и неопровержимого решения его. Он посвящен выдвиганию требований многогранных методов его решений. Из таких решений, во всяком случае, в той части философии, которая представлена как единство диалектики, логики и теории познания, должна и может сложиться общая идея современного мировоззрения.

К условиям создания современного философского мировоззрения следует отнести и характер отношений к истории философии вообще и к тому же Гегелю в частности. Маркс и его последователи великого немца всегда интерпретировали идеологически и потому искаженно. Началось все с Маркса, верней, с его неверно истолкованной основополагающей фразы: «Для Гегеля идеальное demiург действительного, для меня же идеальное то же самое, что и материальное, переположенное (*позволяю себе дать свой перевод слова «Umgesetzte» – примечание автора*) в человеческой голове» [12, с. 17]. Для Маркса, как потом и для всех русскоязычных последователей его, это было противопоставлением метода Маркса методу Гегеля. Метод Маркса правильный, материалистический, а метод Гегеля – ошибочный, идеалистический. Что полем исследования Маркса являются практика товарных отношений, а для Гегеля – запредельные познавательные отношения рассудка на уровне, где любой субъект лишен предикативности, что при таком различии уровней мышления Гегель не мог прибегнуть к методу, который потом мог бы быть повторен Марксом, – об этом лукаво умалчивается.

Гегель вовсе не стремится сообщить науке или человечеству, что где-то в бескрайнем пространстве или когда-то в бесконечном времени бог, дух или идея предшествовали материи и «творили действительность». Он, как и вся классическая немецкая философия того времени, не ставит онтологические проблемы; он создает философскую систему, он создает философскую геометрию (возможно, ориентируясь на Спинозу), которая своей стройностью и непротиворечивостью докажет или опровергнет истинность любого постулата. К этой философской системе следует (и это опять сугубо важно) отнестись внимательней и не только критически, как принято.

Для более убедительного изложения гегелевской философской системы приходится вновь, воздерживаясь от обширного цитирования, обратиться к Канту. И Кант, и Гегель выстраивают свои системы на базе концепций познания. Первоначально оба автора отмечают, что «...всякое наше познание начинается с опыта», что наша познавательная способность побуждается предметами, «...которые действуют на наши чувства» [8, с. 105, 127]. Но дальнейшее познание рассматривается как логический процесс, как действия рассудка. Если на базе рассудка осуществляется движение познания понятиями от природного конкретного к всеобщему, то каждый последующий предикат будет объемней по содержанию, а каждый последующий субъект – бедней в своей конкретности. В итоге получится суждение, для субъекта которого уже нет предиката, достойного субъекту. Например, бытие – это все. Но в суждении предикат, равно как и субъект, не может быть всем; он должен чем-то не быть. Если он все, то в равной мере и ничто. Рассудок порождает антиномии, в которых Кант видит конец рассудка. Но по поводу этого «конца» Кант выдвигает интереснейшие положения, важные для его системы познания. Во-первых, Кант называет всеобъемлющий беспредельный предикат «абсолютной идеей». Во-вторых, он допускает любое другое название, с одним, однако, условием: как бы ни назывался последний предикат рассудка – идеей, богом, духом, – он во всех случаях остается производным человеческого мышления. (И это следует аршинными буквами написать на фронтоне храма философии). Никакой мистики в итоговом понятии рассудка нет. Но для философского трактата, и это уже в-третьих, неудобно каждый раз перечислять: вот человек располагает понятиями (опытными и доопытными), вот они порождают суждения, которые по логике познания поднимаются до беспредельности, и т.д. Гораздо удобней подробнейшим образом единожды изложить логику развития рассудка, чтобы затем единым понятием окрестить его итог и обращаться к нему как к завершению системы. «Абсолютная идея» – это слово философской лексики, обозначающее итоговую реальность рассудочного познания. Для понимающих это достаточно, а для непонимающих Кант дает сопоставительный образ: абсолютная идея подобна пространству, утратившему все свое наполнение. Его можно загрузить всякими мыслимыми понятиями – всеобщностью, всеобщей сущностью, всеобщей истиной – их там все равно не станет. Но не найдутся эти всеобщности и в отдельном предмете. Искать, что всеобщее (ноумены), что законы, следует в связи. «...среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не дается объектом, а может быть дано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодетельности» [Там же, с. 190]. Отсюда так важна система практически у всех представителей классической немецкой философии, среди которых нас все-таки занимает, прежде всего, Гегель.

Итак, Кант завершает свою систему познания понятием «абсолютная идея». У Гегеля, во всяком случае, в триаде «Науки логики», аналогичное понятие «абсолютный дух» тоже стоит в конце. Это, однако, вовсе не указывает на близкое сходство идей великих мыслителей. Гегель гораздо более диалектик, и он где-то без специальных оговорок, просто полагаясь на философскую культуру читателя, сохраняет мысли Канта, а где-то решительно их превосходит. Так (и это следует русскоязычному мыслителю не только усвоить, но и постоянно держать перед мысленным взором, ибо он – этот мысленный взор – слишком запутан долготейшей пропагандой гегелевского «абсолютного идеализма»), для Гегеля, как и для Канта, «абсолютная идея», под каким бы названием она ни применялась, всегда остается творением человеческой мысли. Если кто-то (Ленин) понимает ее как «боженька», то это свидетельствует лишь о том, что в голове гения хватало места и для обывательского представления, которое не понимает, как может быть «ничье» сознание.

Но далее в представлениях об абсолютном начинается расхождение. Для Канта – это конец познавательных способностей рассудка, для Гегеля – не только конец, но и начало нового витка познания. Для него тот, кто достиг предела, тот предел и превзошел. Это позволяет Гегелю более решительно, чем Канту, хотя и только условно, гипотетически, придавать абсолютному духу характер самости. Абсолютный дух, пусть он и «ничто», есть, во всяком случае, до тех пор, пока человеческое мышление продолжает его признавать и создавать, и все в его еще не проявленной форме. Гегель условно признает реальность духа в такой мере, в какой это необходимо для предпосылки нового витка познания. Европейская интеллектуальная ситуация в годы Гегеля была такова, что позволяла философу в вопросах реальности бытия уходить от метафизических решений «да, да – нет, нет»; можно было придерживаться позиции: «и да, и нет». Дело в том, что в те годы математики, физики и философы активно искали бесконечно малую величину. Выяснилось, что натурфилософия (метафизика) обосновать реальность бесконечно малой не может. Но выяснилось также, что математика в дифференциальных и интегральных исчислениях, допуская реальность бесконечно малых величин, достигает более точных результатов. В интересах более высокой точности математики признавали реальность бесконечно малых величин. В природе их, может быть, и нет, а в математике – есть. Гегель в этом пункте выступил на стороне математики и против Канта. В рамках философской системы, которую Гегель выстраивает, абсолютный дух есть еще не проявившееся все. Получается следующая ситуация: когда абсолютная идея берется как изолированное понятие, она ничто; а когда берется как элемент системы и, тем более, как начало системы, она все или, по крайней мере, устремлена ко всему.

В рамках такого познания Гегель условно и гипотетически наделяет абсолютный дух потенцией – стремлением к самопознанию. Имеет ли это какое-то основание или полностью является мистикой – должна будет показать намечающаяся система. Одно ясно: абсолютная идея в рамках философской системы должна, пусть и в бесконечно малой величине, держать перед собой образ природы как свое начало и как свое грядущее содержание. Это «бесконечно малое» в философии рассматривалось в рамках относительности. Масса Солнца могла приниматься как фактор бесконечности, тогда она сопоставлялась с бесконечно малой массой божьей коровки. У Гегеля таким «бесконечно малым» в сопоставлении с абсолютной идеей был человек [4, т. 2, с. 25].

Марксисты потом будут избивать Гегеля именно в этом пункте. В самом начале предпосылка как будто свободна от всякого обоснования. Она берется как постулат, как аксиома, доказательство не требующая. Но это лишь в самом начале движения мысли. На самом деле основание для надления духа потенцией есть, но оно находится в другой сфере – в сфере учения об отношениях. Абсолютный дух (мы помним, что это лишь удобная метафора, заменяющая предельно широкое понятие рационального познания) обращается к природе как к бесчисленной совокупности реальных предметностей. В ней он полагает найти свое действительное содержание. В свою очередь, предметности природы обращены к абсолютному духу. В нем они чают приобрести свою истину. Эти устремления создают напряженные отношения, в рамках которых складывается система познания.

Теперь о связях: они объективно присутствуют в предметностях мира или они внесены и вносятся в этот мир субъектами? Гегель приводит по этому вопросу сложнейшие рассуждения [Там же, с. 10-40], которые, вопреки протестам Гегеля, считаем возможным представить в упрощенной форме. Итак, человечество в разумной форме начинает познавательный процесс с абсолютной идеей. Она представляет собой предельно обобщенное и сведенное к единому понятию знание человечества, без обращения к которому дальнейшее познание представляется невозможным. Человеку, мыслящему в привычной для него форме, дело представляется так: человек для решения познавательной проблемы обращается к абсолютной идее, находит в ней необходимые понятия и методы, которые и позволяют ему приступить к практике познания. Здесь нет ничего непонятного, нет никакой мистики, но есть другое – абсолютная идея сведена к какому-то накопленному словарю, который пассивно ждет, когда человек надумает его полистать. Философский подход принципиально отличен. Для него абсолютная идея – это непроявившееся все – надлена потенцией познания своей сущности. Для реализации этой потенции она обращается к человеческому сознанию, посредством которого обращается к природе, полагает себя в природу и находит в ней свою сущность. При таком подходе абсолютная идея – это активный элемент философской системы, а человеческое сознание – лишь представитель всеобщего и абсолютного в познаваемой природе.

На другой стороне взаимодействия абсолютной идеи с многообразием природной предметности происходит следующее. Люди, обладающие знанием – понятиями, законами, – обращаются к познаваемым предметам и определяют их сообразно своим знаниям. Они, следовательно, не столько черпают знания из природных предметностей, сколько вносят их туда. Тем самым они полагают себя, свое интеллектуальное содержание в познаваемое и наделяют его положенным содержанием. Оно становится в предметностях более важным, чем их природная самость. Земля как космическое тело существует в своей самости, но ее планетарные свойства – суть самые значительные ее характеристики – положены человеком. Так человеческое познание или человек как носитель абсолютного духа участвует в сотворении мира. Как приведенные положения выражены философским языком, можно посмотреть у Гегеля [Там же, с. 25-29].

Итак, какую мистику скрывает философская система Гегеля? Абсолютная идея (пусть, кому это так хочется, дух божественный) в форме предельно широких понятий, универсалий, ноуменов, используя в меру его развитости разум человеческий, обращается к природе и полагает себя в нее. С другой стороны, природная предметность жаждет самосознания и, обращаясь в лице человеческих индивидов к формам конечного духа, наполняет себя положенным содержанием. Можно весь процесс становления положенного изложить несколькими пунктами:

1. Предмет природы нарекается именем. Этим он извлекается из «темного бытия» (Кант), из «природного труппа» (Шеллинг) и приобретает жизнь в сфере мышления.

2. Именованный предмет природы относится к определенному роду; он преодолевает свою изолированность, приобретает достоинства рода, класса предметностей и поднимается ступенями к всеобщему, к Универсуму.

3. Отдельный предмет насыщается содержанием общего. Этим общее – эти универсалии и ноумены, включая и материю, которая в силу своей универсальности скорее относится к идеальному и которой еще предстоит приобрести материальность, – становится действительным, а отдельные предметности приобретают истину.

4. Все эти метаморфозы: положение общего в отдельное, представление общего отдельным, а абстрактного конкретным – во всех ступенях должны признаваться – истинно или ложно, теоретически или практически – единичными людьми. «Единичное как возвращение в само себя, – пишет философ – есть, правда, дух; однако как инобытие, исключаящее все другие духи, единичное есть конечный, или человеческий дух, ибо до других конечных духов, кроме людей, нам нет никакого дела» [Там же, с. 25].

Таким образом, в философской системе Гегеля человек представлен как на уровне предельной абстракции, так и на уровне отчужденной от идеи природы. Именно это позволяет быть отношениям. Относятся только люди. Природные предметности не относятся, они только сосуществуют в пространстве, во времени, в механической связи. Участвовать в отношениях они могут, только если в них представлены люди, когда вещи ведут себя как люди, заменяют собою людей.

В рамках отношений происходит все, чем интересуется Гегель как философ. Здесь происходит становление, а можно сказать и сотворение действительности. Это сотворение, приходится повторять, состоит в том, что абсолютная идея, посредством сознания индивидов, полагает себя в природную предметность и приобретает таким образом действительное бытие, а природные предметы приобретают общее, сущностное и истинное содержание и становятся, таким образом, представителем абсолютной идеи в реальном мире. Гегель не интересуется никакими «надзвездными краями» и никаким миром до и после настоящего. Для него: «мир сотворен, сотворяется теперь и будет вечно твориться» [Там же, с. 27] в рамках отношений. Абсолютная идея, охваченная потенцией самопознания, то есть держащая перед своим мысленным взором, пусть в бесконечно малом объеме, в качестве своего источника и цели самопознания, образует исторически обусловленные рамки философской системы, наполняемые концепциями познания, логики и диалектики.

В рамках действительного, то есть, отметим еще раз, охваченной мыслью реальности, осуществляется развитие, но не в форме изменения объективности во времени, а в форме совершенствования мышления. Истинно не только положение формальной логики: «Целое больше части», но и положение диалектической логики: «Часть есть целое»; истинно не только положение: «Субъект входит в предикат», но и другое: «Предикат положен в субъекте и этим придает ему истину; субъект представляет предикат, чем придает ему действительность».

Один пример для сопоставления. Математика имеет дело с числами. Они сами по себе в своей абстрактности, оторванности от предметного мира бессмысленны. Это, однако, только до тех пор, пока они берутся изолировано не только от мира, но и друг от друга. Как только они берутся системно (пусть даже в системе десятичного счета), числа приобретают объективное содержание. Так, число один является первым в натуральном ряду чисел, оно простое, потому что без остатка делится только на себя, оно нечетное, потому что не делится на два, и так далее. То же происходит с категориями гегелевской философской: вне системы они пусты и могут служить разве что для иллюстрации примерами содержание диалектики. Но в системе каждая категория наполнена содержанием устремленной к действительности абсолютной идеи. И поскольку такая система сложилась и существует уже 200 лет как единство познания, логики и диалектики, то она не только содержательна от бесконечной абсолютности до конкретного человека, но истинна. Философское содержание, сложившееся в систему, истинно. Как бы диалектический материализм, начиная с Энгельса, ни критиковал систему Гегеля, при попытке создать иную систему его опытом нельзя пренебрегать.

Необходимость адекватного усвоения философских воззрений К. Маркса

Без философских воззрений Маркса всякая попытка продвинуться далее к иной системе взглядов обречена на неудачу. Это аксиома, с которой связаны различные и многочисленные проблемы. Во-первых, Маркс не оставил нам компактного выражения своих философских взглядов: они фрагментарно размещались в многочисленные общественно-политические и политэкономические сочинения и провоцировали читателей изъять их из текстов классика и применить по собственному усмотрению. Старшее поколение должно помнить получившие распространение при М. А. Сулове цитатники. Карточки с цитатами из произведений Маркса (читай – Энгельса, Ленина, Брежнева) в специальных коробочках стояли на столах чиновных идеологов и пускались в ход при всяком удобном случае. Развился даже особый стиль «цитатного» речения, тем более убедительного, чем чаще в нем к месту и не к месту упоминался Маркс. Ни о какой системе взглядов тут и речи не могло быть. Текст Маркса воспринимался как абсолютная истина в любом контексте. Во-вторых, все 150 лет после смерти Маркса остались неопределенными отношения Маркса к немецкой философии. Все годы практиковались противопоставление Маркса Гегелю и попытки освободить молодого Маркса от пережитков гегельянства. Что при таком «освобождении» взгляды Маркса сближались с материализмом Фейербаха, не упоминалось. Не спасала даже реплика Ленина о том, что без «Науки логики» непонятым остается «Капитал». Ныне делаются робкие попытки рассматривать Маркса не как мыслителя, противопоставленного немецкому идеализму, а как философа, завершившего философскую классику. Автор этих строк рискнул издать учебное пособие с титульным листом, на котором портреты Канта, Гегеля и Маркса противостоят портретам Энгельса, Ленина и Сталина. Думал, что за такое кощунство последует неминуемое распятие, но нет – никто и не заметил. И в-третьих, при всем высоком почитании Маркса и его текстов, обращаются с ними небрежно и злонамеренно. Желаящим убедиться в этом можно посоветовать сопоставить текст пары страниц (ст. 46-47) «Капитала» 5-го тома издания *MEGA* [17] и соответствующих страниц (ст. 72-73) из 7 тома Собрания избранных сочинений Маркса и Энгельса [12]. Здесь

нет места для развернутого анализа каких-то случаев искажения текста Маркса, но пару примеров можно привести. Маркс в связи с необходимой процедурой редуцирования материальной вещи в абстракт стоимости пишет: «Es ist dieß eine naturwuchsig und daher bewußtlos instinktive Operation ihres Hirns, die aus der besondern Weise ihrer materiellen Produktion und den Verhältnissen, worin diese Produktion sie versetzt, nothwendig herauswächst. Erst ist ihr Verhältniß praktisch da. Zweitens aber, weil sie Menschen sind, ist ihr Verhältniß als Verhältniß für sie da. Die Art, wie es für sie da ist, oder sich in ihrem Hirn reflektirt, entspringt aus der Natur des Verhältnisses selbst» [17, В. 5, S. 46]. Данные строки, которые должны были бы в русском тексте в томе 7 на страницах 72-73, в указанном томе отсутствуют. Их вообще в русском тексте «Капитала» не найти. Причем это важнейший абзац о роли отношений в формировании содержания категорий. Во-вторых, изменение порядка предложений: фразы изъяты из одного контекста и перенесены в другой. И опять-таки эти случаи связаны с важной проблемой роли сознания в постижении двойственного характера труда. В-третьих, замена понятия «положенного» (очевидно, для очередного освобождения Маркса от влияния Гегеля) понятием «отраженного». Словом, на двух страницах «Капитала» обнаруживаются существенное философское отступление от концепции Маркса и замены ее идеями диалектического материализма. То же встречается и в других местах того же «Капитала», например, в «Послесловии ко второму изданию» этого произведения. Между тем, внимание российских философов к подобным ошибкам и искажениям в переводах и в редакциях всегда было и остается минимальным. Можно назвать Э. В. Ильенкова, который еще в 50-х годах XX века выступил против искажения во втором издании произведений Маркса и Энгельса первого тезиса в «Тезисах о Фейербахе» [7]; можно назвать работу Г. С. Батищева «Тезисы не к Фейербаху», в которой также защищается истинное содержание ключевой работы Маркса [15]; можно назвать работу Э. Г. Классена по поводу содержания пары фраз в «Послесловии ко второму изданию Капитала» [9, с. 208]. Но всего этого недопустимо мало. Российским философам предстоит грандиозная работа по выяснению и признанию философского наследия Маркса. Без этого наивно ожидать возникновения современной философской системы.

Итак, в статье отмечены три фактора, наличие которых может способствовать разработке необходимой сегодня нашему духовному сознанию философской системы. Размышление над этими, а возможно и другими факторами возбуждает желание приступить к построению хотя бы основ системы: заново определить предмет философии, вновь посмотреть содержание ее основного вопроса, переосмыслить важнейшие принципы и категории. Предвидится большая и увлекательная работа, требующая, однако, великого усилия и бескорыстия.

Список литературы

1. **Анатомия идеального** [Электронный ресурс]. URL: <http://rpr.ur.ru/skolarh/akademizm/2008/8/12/474/> (дата обращения: 27.01.2016).
2. **Афанасьев В. Г.** Основы философских знаний. М.: Мысль, 1968. 349 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1971.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1975.
5. **Дубровский Д. И.** Проблема идеального: монография. М.: Мысль, 1983. 228 с.
6. **Залецук В. Г.** Проблема идеального в современной научной философии [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филос. н. Пермь, 2004. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/90706.html> (дата обращения: 26.01.2016).
7. **Ильенков Э. В.** Письмо в Институт марксизма-ленинизма [Электронный ресурс]. URL: <http://m-introduction.livejournal.com/47081.html> (дата обращения: 26.01.2016).
8. **Кант И.** Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
9. **Классен Э. Г.** Россия: эпизоды борьбы за философскую истину: монография. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2012. 340 с.
10. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1961. Т. 18. 525 с.
11. **Ленин В. И.** Философские тетради // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1961. Т. 29. 782 с.
12. **Маркс К.** Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9-ти т. М.: Политиздат, 1987. Т. 7. 811 с.
13. **Петров Г. В.** Идеальное как явление субъективной реальности [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/philosophy/idealnoe-kak-yavlenie-subektivnoy-realnosti.html> (дата обращения: 26.01.2016).
14. **Самарский А.** Проблема идеального: о современном состоянии спора Э. В. Ильенкова с Д. И. Дубровским [Электронный ресурс]. URL: <http://proaganda-journal.net/5575.html> (дата обращения: 27.01.2016).
15. **Хамидов А. А.** Необычное произведение Г. С. Батищева // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 144-156.
16. **Шевченко В. Н.** Вадиму Михайловичу Межуеву – 80! Свободное слово философа и просветителя // Философские науки. 2014. № 2. С. 115-121.
17. **Marx K., Engels F.** Gesamtausgabe (MEGA). Berlin, 1983. Band 5. 649 S.

IDEOLOGICAL SYSTEM RENEWAL IN RUSSIA: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PROVISIONS

Klassen Erikh Gergardovich, Doctor in Philosophy, Professor
Ufa State Petroleum Technological University (Branch) in Oktybrskiy
knessel@rambler.ru

The modern Russians require a new philosophical vision. Pro-Soviet views are somehow lost during socio-political transformations, but they are still preserved in the numerous publications of the past years. There is a necessity not only for fresh views but for a system of philosophical ideas. The development of such system is more a project than real activity nowadays. The article proves that necessary provisions for the creation of a renewed philosophical system in Russia have been developed and time has come to solve this task.

Key words and phrases: philosophical system; existence; material and ideal; determined and represented; true and real.